

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ

кандидат философских наук, доцент, декан факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный педагогический университет
andvinogradov00@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ Н. И. КАРЕЕВА НА ПРОБЛЕМУ СУБЪЕКТОВ ИСТОРИИ

В статье рассмотрены философско-исторические взгляды видного русского социолога и историка Н. И. Кареева в отношении субъектов исторического процесса. Они соотнесены с аналогичными представлениями основателей русской социологической школы П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Кроме того, определено место, которое занимает эта школа в общем спектре различных вариантов решения проблемы субъектов истории в русской философии последней трети XIX – начала XX века.

Ключевые слова: субъект истории, русская философия, русская социология

Будучи одновременно историком, философом и социологом, Николай Иванович Кареев всем своим творчеством продемонстрировал возможность интегративного понимания исторического процесса, которое весьма созвучно интересам современного человека, рассматривающего мир через синергетическую парадигму. Особенно значимым представляется взгляд российского мыслителя на проблему субъектов исторического процесса, так как при решении этой проблемы ему удалось совместить социологическое представление об истории как взаимодействии человеческих общностей с защитой личного начала в истории с признанием человека ее главным судьей. Попробуем проанализировать, как Карееву удалось это сделать.

Прежде всего надо отметить, что он переосмыслил социологию О. Конта, избавившись от одного из основополагающих принципов, предложенных основателем позитивизма. Философская позиция Кареева была проникнута отрицанием исторической закономерности, понимаемой по аналогии с закономерностью естественно-научной. По мнению Кареева, понятие закона для исторического процесса не имеет смысла, так как исторические факты объективно ничто между собой не связывают. Он заявлял, что «всемирно-исторический процесс непланомерен», более того, что «ход всемирной истории есть не что иное, как хаотическое сцепление случайностей, происходящее во времени» [2; т. 1; 198]. При таком подходе не остается места для признания в истории общих закономерностей, исключается возможность применения в науках об обществе объективизма, свойственного естественно-научному познанию. Исторические события, следовательно, не могут быть до конца объясненными, проявленными. Благодаря произведенному таким образом ограничению необходимости в представлении об истории многое в ней зависит от случайности, от непредопределенного заранее сочетания обстоятельств. В отношении рассматриваемой

темы особенно важно, что это представление открывает возможность для поисков в истории ее «деятеля», не скованного жесткими рамками природного детерминизма.

При этом оказывается, что закономерность в истории может носить только субъективный характер: она привносится в историю мыслящим субъектом. Такая постановка проблемы открывала широчайшие возможности для рассмотрения в качестве субъекта истории личность, потому что она оказывалась тем звеном, которое скрепляет воедино все остальные элементы исторического процесса, придает им логику и смысл. Недаром Кареев прямо указывал, что «центральный предмет философии истории есть именно человеческая личность, через которую и по отношению к которой совершается все, изучаемое историей» [2; т. 2; 397].

Но в таком случае ключевым становится вопрос о том, каким образом личность осуществляет эту свою роль: вправе ли она поступать произвольно или она ограничена определенными рамками, задающими границы ее возможностей. Ведь совершенно очевидно, что при таком подходе легко соскользнуть к субъективизму, отказавшись от представления о сдерживающих личность социальных факторах. Не удивительно, что в адрес Кареева нередко раздавались упреки за якобы признание им субъективного произвола в истории [1; 138]. Отвечая на эти упреки, Кареев выступил решительным противником субъективного произвола. Он посвятил рассмотрению данной проблемы специальную статью «О субъективизме в социологии» (1880), в которой отмежеввался от субъективизма в смысле пристрастности и односторонности суждений субъекта об истории, но высказался за такой субъективизм, который неизбежен при рассмотрении деятельности других субъектов. Позже, отвечая своим оппонентам, Кареев еще больше уточнил собственную позицию в этом вопросе и в работе «Моим критикам. Защита книги “Основные во-

просы философии истории» (1884) еще четче выделил два вида субъективизма: «произвольно-случайный» и «законный». Первый вид субъективизма является, по его мнению, неправомерным и должен быть исключен из исторической науки, а второй, «законный», необходим для понимания исторических явлений, так как он «сводится к субъективному отношению историка как человеческой личности к человечеству как совокупности таких же личностей» [3; 81]. Другими словами, раз историк является человеком, то он не может не смотреть на исторические явления иначе, как представитель человеческого рода. Здесь личность оценивает историю как историю себе подобных.

Нельзя не согласиться с тем мнением, что историю людей может понять только человек и только по-человечески. Но возможность отличить «законный» субъективизм от «произвольно-случайного» представляется проблематичной, потому что в таком случае человеку придется отрешиться от всего, что формирует его как конкретную личность, – национальных, профессиональных, социально-ролевых и прочих своих особенностей, и оставить только общечеловеческие характеристики. Но людей «вообще» не бывает, так как это абстрактное понятие. А реальный человек всегда смотрит на мир через призму того набора конкретных качеств, которые выработались у него в ходе социализации, при этом привнося и в понимание истории собственные субъективные моменты. Не удивительно, что Карееву на протяжении всего его творческого пути приходилось защищаться от обвинений в субъективизме. Да и сам он в одной из своих последних работ, готовившейся в течение длительного времени, но не опубликованной при его жизни, – «Основы русской социологии» (1896), отметил, что само название «субъективный метод» внесло путаницу в методологию представляемого им философского направления [11; 76].

С этим представлением о «человеческом» понимании истории Кареев, как уже отмечалось, стремился совместить ряд чисто социологических идей, касающихся социальных образований. В частности, он использовал в своих построениях некоторые марксистские идеи. «Не будучи сторонником экономического материализма... я, однако, взглянул на него как на одну из историологических теорий, которая, вернее – элементы которой должны вместе с разными другими теориями идти в общий социологический синтез», – писал он [8; 10]. Однако Кареев отвергал одно из центральных положений исторического материализма о необходимости понимания субъекта истории с классовых позиций. Оценивая то, в каком состоянии находится в его время это понимание, он писал: «...отдельные классы общества взглянули на современность односторонне, не сумели дать такого о ней приговора, который бы

удовлетворил нас». Кареев ставит задачу: «...нужно изменить этот приговор, попытаться основать его на более разностороннем взгляде» [4; 24].

В качестве способа решения поставленной задачи Кареевым утверждается значение личности как верховного принципа философии истории, который проявляется прежде всего в оценке личностью исторического развития, в ее праве морального суда над историей. Эта оценка производится личностью с позиций того или иного общественного идеала, который, по мысли Кареева, меняется с течением времени. Более того, «каждый народ имеет свои, более или менее своеобразные точки зрения на явления нравственного и общественного мира» [9; 174]. Из-за разницы в исторических условиях жизни разных народов у них развивались разные идеалы, в силу чего каждый народ «смотрит на моральный и социальный мир вообще несколько односторонне» [9; 174]. Но при этом данное положение не означает признания за отдельными народами статуса субъектов истории. Его скорее следует понимать как указание на ущербность или неполноценность трактовки истории с точки зрения только одной части человечества. Отсюда у Кареева появляется задача, которую он ставит перед исторической наукой, заключающаяся в том, чтобы смотреть на исторические события «не с одной точки зрения их места и роли в прошлом того или другого народа, но с точки зрения их значения в истории человечества, взятой в целом, в истории мировой» [6; 233]. Но данное требование, в свою очередь, не означает, что человечество рассматривается им как субъект истории. Просто к исторической науке Кареевым предъявляется требование учитывать национальную специфику восприятия исторических явлений разными народами и рассматривать эту специфику в качестве отражения разных сторон единой исторической действительности. При всех оговорках и уточнениях, содержащихся в произведениях Кареева, центральным звеном его философско-исторических представлений оставалась человеческая личность как единственный реальный субъект истории.

Суть той точки зрения, которая была представлена в работах Кареева, заключается в отстаивании специфичности исторических явлений, неприменимости к ним набора формул и схем и как результат – придании особо важного значения ее субъективному фактору. Совершенно в духе позитивизма Кареев отказывался от каких-либо метафизических представлений в области истории, так как метафизика говорит о предметах, выходящих за пределы эмпирических данных. В применении к истории она рассматривает цель и смысл исторического процесса, его высший план и вневременную сущность. Кареев критиковал как несостоятельные умозрительные схемы всемирной истории на примере тех, кото-

рые выстраивали Кондорсе и Гегель. У Кондорсе, по мнению Кареева, исчезало разнообразие национальных факторов, а у Гегеля единство истории обеспечивалось за счет обращения к некоему фантастическому духу [10; 15]. При этом надо отметить, что, отвергая все это, Кареев не скатывался на позиции голого эмпиризма, который не видит в истории ничего, кроме объективных процессов. Критикуя подобную точку зрения, он отмечал, что «эволюционизм, составляющий основную черту философских и исторических воззрений XIX века, имеет тенденцию донельзя умалять значение личного начала в истории культуры: последняя не просто развивается, а именно саморазвивается» [7; 529].

Кареев, отвергая метафизику, но и не принимая истории без человека, стремился найти золотую середину между этими крайностями. Такой серединой ему представлялся подход, признающий у истории цель и смысл, но рассматривающий их как существующие не объективно, а как привносимые в историю мыслящими субъектами. Подобный подход, с одной стороны, может претендовать на научность, так как в его основе лежит использование реальных исторических фактов, а с другой стороны, он носит философский характер, так как понимание этих фактов производится с использованием представления людей об идеальной цели исторического развития. Кареев выразил суть своего метода следующим образом: «...научная философия истории имеет смысл, но не как ее сверхчувственную сущность, а как значение ее перемен для человечества» [5; 181]. Таким образом, важнейшим инструментом истории Карееву представлялось понимание личностью значения исторических событий. «Формула прогресса» служила своеобразной меркой, которой пользуются для оценки масштаба происходящего в истории. В философии истории, по Карееву, неизбежно сочетаются два элемента: научный (элемент, вытекающий из характера объекта знания) и философский (элемент чистого творчества). Творчество же выражается в том, что личность делает и познает историю не иначе как посредством определенных принципов. Эти принципы, по выражению Кареева, «лежат в основе идеалов личного и общественного бытия, создаваемых индивидуальной и социальной этикой» [12; 225].

Указание на то, что идеалы бывают не только личными, но и общественными, а этика не только индивидуальной, но и социальной, с очевидностью демонстрирует, что Кареев чувствовал недостаточность одного индивидуального начала для объяснения истории. Тут в нем, несомненно, говорил социолог: защищая личность от поглощения ее явлениями более общего порядка, отстаивая ее права как реального субъекта истории, он вместе с тем понимал, что любая, даже самая развитая личность нуждается в опоре на

объективные условия своего существования. Она вправе постепенно менять эти условия (недаром Кареев понимал прогресс как «процесс, освобождающий, укрепляющий, обогащающий личную жизнь и приспособляющий над-органическую среду к потребностям развитой личности» [2; т. 2; 399]), но сами условия по крайней мере ставят перед личностью задачи, решая которые она по сути и совершает исторический процесс. В такой деятельности общества («над-органической среды», по выражению Кареева) не может быть претензии на роль субъекта истории. В данной концепции общество играет роль фактора, обуславливающего границы деятельности настоящего субъекта – личности.

Конечно, при этом Кареев понимал, что в реальном историческом процессе принимают участие не все люди, а «роль принимающих далеко не одинакова» [7; 19]. От кого-то зависит принятие решений, влияющих на огромное количество других людей, а кто-то отвечает только за себя. Кто-то проявляет себя как активный участник происходящих событий, а кто-то к ним безразличен. Судя по всему, главным для Кареева было то обстоятельство, что человек в принципе наделен статусом субъекта истории, а то, как он воспользуется своим статусом (и воспользуется ли вообще), зависит от самого человека.

Сравнивая представления Кареева с воззрениями других видных представителей социологического направления русской философии истории, надо отметить, что в целом все перечисленные мыслители главным субъектом истории считали человеческую личность. При этом понимание ими личности значительно отличалось. Для П. Л. Лаврова это была личность, сумевшая в своем развитии подняться до выработки критической мысли, интеллектуальная личность. Для Н. К. Михайловского – любой человек, стремящийся к проявлению своей индивидуальности во всей ее полноте. Для Кареева – личность, сумевшая отрешиться от всякой пристрастности и односторонности в отношении исторического процесса, вставшая на точку зрения общечеловеческой, универсальной этики.

Последняя характеристика особенно сильно отличает представления Кареева от его предшественников по философской школе. Интеллектуализм критической мысли личности у Лаврова и проявление человеческой индивидуальности во всей ее полноте у Михайловского неизбежно приводят к субъективизму. Кареев же стремился уйти от субъективизма и обосновать историческую деятельность личности на более прочном фундаменте общечеловеческих нравственных ценностей. Это демонстрирует его понимание ошибочности субъективистского редукционизма в отношении к субъекту истории. Подобная черта обособляла философско-исторические взгляды Кареева от марксистского представления о субъекте

екте истории, в котором главную роль играли не нравственные, а классовые отношения, но сближала ее с метафизическим направлением христианского универсализма (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), в котором нравственности также отводилась важная роль. Правда, внерелигиозное обоснование нравственных норм служило отличительным признаком решения данного вопроса в рассматриваемом учении по сравнению с метафизическими направлениями мысли. Не удивительно, что Кареев указывал на объективные условия реализации личностью своей исторической роли, в том числе на экономические обстоятельства жизни общества, что в какой-то мере сближало его концепцию с марксизмом.

В целом учение Кареева о личности как субъекте истории занимает промежуточную позицию между двумя крайними направлениями. С одной стороны, личность для Кареева не детерминирована объективными факторами внешней среды. Согласно его представлениям, эти факторы лишь создают возможность для деятельности личности. С другой стороны, личность он рассматривал как носительницу нравственного начала истории, как стремящуюся к реализации идеалов, пусть и не имеющих метафизической санкции. Подобная «срединная» позиция была чревата опасностью скатывания к одной из крайностей: либо признанию законности субъективного произвола, либо к понима-

нию исторической роли личности как иллюзии, за которой стоит действие реальных исторических законов, носящих объективный характер. Эволюция социологического направления русской философии истории продемонстрировала его разделение на эти позиции еще до начала активной научной деятельности Кареева в сфере философии истории. Первая брала исток во взглядах Михайловского, защищавшего исторические права «профана». Вторая – во взглядах позднего Лаврова, у которого личность своей мыслью не столько делала историю, сколько осознавала то, что происходит помимо ее воли в соответствии с объективными тенденциями исторической действительности.

Кареев же попытался создать такое представление о субъекте истории, которое сочетало бы важнейшую роль личности с ее участием в объективных социальных процессах. В этой попытке нашло отражение стремление многих русских мыслителей конца XIX – начала XX века рассмотреть личность не как пассивную игрушку объективных законов или воли высшего разума, но как активную и творческую силу истории. Подобное стремление особенно импонирует современному человеку, все больше осознающему свою личную ответственность за протекание исторического процесса. Поэтому взгляды Н. И. Кареева на проблему субъектов истории сохраняют свою актуальность даже почти век спустя после того, как они появились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанский С. Личный и общественный элементы в истории // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 128–159.
2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса: В 2 т. М., 1883.
3. Кареев Н. И. Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава, 1884. 84 с.
4. Кареев Н. И. Суд над историей: Нечто о философии истории // Русская мысль. 1884. Кн. 2. С. 1–30.
5. Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899. 518 с.
6. Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913. 320 с.
7. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. 574 с.
8. Кареев Н. И. Историология (теория исторического процесса). Пг., 1915. 320 с.
9. Кареев Н. И. О духе русской науки // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 171–184.
10. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Тульская обл., пос. Заокский: Источник жизни, 1993. 384 с.
11. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
12. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории: Антология. М., 1996. С. 219–233.